Текст · 7 апреля 2023, 10:20
Никита Сологуб,

«Ничего не понимал, только улыбался и кивал». Слабослышащий подписал то, что продиктовали в военкомате — теперь ему грозит до 10 лет за самоволку

В октябре прошлого года 29-летний Мехродж Хайдаров из деревни Линево под Волгоградом отправился в подмосковные Люберцы в гости к родственникам. Из Линево он каждый день ездил в райцентр Жирновск, где учился в колледже по специальности «право и организация социального обеспечения». Хайдаров мечтал стать юристом, но сперва хотел накопить денег на операцию, чтобы избавиться от слухового аппарата — инвалид III группы, он с рождения страдает двусторонней нейросенсорной потерей слуха и чужую речь способен слышать только на очень близком расстоянии.

Для этого молодой человек взял академический отпуск, а приехав в Люберцы, 22 октября пошел в ближайшую «Пятерочку» устраиваться на должность сборщика заказов. Слуховой аппарат Мехроджа с собой не взял. «Когда человек ближе, могу понять, что говорит, а так по губам читаю», — объясняет он. На месте выяснилось, что вакансии в магазине уже нет, и расстроенный Хайдаров побрел обратно к родственникам. Дорога шла мимо люберецкого военкомата. Напротив здания стоял экипаж ГИБДД, инспектор тормозил проезжающие по проспекту машины.

Когда Хайдаров проходил мимо, инспектор подошел к нему и попросил предъявить документы. У молодого человека был с собой и паспорт, и военный билет, в котором указано: диагноз Н-90-3[1] по МКБ-10, ограниченно годен к военной службе.

В армии Хайдаров не служил, но побаивался ее. В 2017 году его родной брат Шерзод заключил контракт с Минобороны и во время службы под Волгоградом попал под поезд, получив сильную черепно-мозговую травму. С тех пор Мехроджу приходилось ухаживать за ним: возить на прогулки на коляске, переодевать и мыть. У третьего их брата ДЦП.

Посмотрев документы, сотрудник ДПС сказал, что в стране объявлена «частичная» мобилизация, потому Мехроджу придется пройти в военкомат. Спорить молодой человек не стал. «Я уже как это услышал, я уже начал волноваться, уже шугался. Потом я понял, что я вообще уже не в себе был — я боялся, что меня заберут, уже сразу начал бояться», — вспоминает он.

На входе в военкомат гаишник объяснил ситуацию дежурному, тот предложил подождать; потом за Хайдаровым спустился офицер и отвел его в кабинет, где было еще четверо мужчин. Мехродж сказал им, что он студент-очник с правом на отсрочку и инвалид III группы; спустившийся за ним военный стал требовать справку от врача. По словам молодого человека, его наперебой засыпали вопросами на беглом русском, это сбивало с толку: отец Хайдарова таджик, а мать узбечка, дома у них обычно разговаривают на узбекском. От волнения, рассказывает Мехродж, он быстро упустил нить разговора, в груди появился неприятный давящий ком.

«Сотрудники переговаривались, поглядывали на меня, что-то спрашивали, а я ничего не понимал, только улыбался и кивал головой в знак согласия. Они, как мне кажется, заметили, что я ничего не понимаю, стали посмеиваться», — вспоминает он. Один из военных стал говорить медленнее, разделяя слова паузами, — как понял Хайдаров, объяснял, что его должны отправить в военный госпиталь для подтверждения диагноза.

Одновременно кто-то из военных давал молодому человеку какие-то документы; он помнит, что проставлял на них дату и расписывался, а на одном из листов записал под диктовку несколько предложений. Просьба хотя бы примерно воспроизвести содержание этой записи вызывает у него затруднение.

«Я писал свою фамилию, писал имя... Было, не знаю, два-три текста, на маленьких листочках. Потом они

мне сказали записать что-то, продиктовали, я опять поставил роспись. Я не знаю, какие там слова были, потому что он мне диктовал их, я не понимал смысл. Я думал, что это как направление, потому что он мне говорил: "Мы тебе направление [на медкомиссию] дадим, и если ты являешься конкретным инвалидом, то тебя отпустят домой обратно"», — вспоминает Мехродж.

Потом сотрудники военкомата сказали, что в армии пользоваться мобильным нельзя, и предложили отдать телефон Хайдарова его родственникам. В тот же день аппарат действительно привезли на люберецкую квартиру, где остановился молодой человек; водитель объяснил взволнованной тете Мехроджа, что того уже везут в воинскую часть в Наро-Фоминск, и продиктовал номер телефона для связи.

Вечером того же дня Хайдаров оказался в части № 19612[2], ему выдали форму и поселили в казарме.

Молодой человек заметил у кого-то из призывников мобильный телефон, попросил позвонить и набрал своему отцу.

Через два дня родители приехали в Москву. Сначала отец пошел в военкомат Люберец, но дежурный отказался впустить его; оттуда мужчина отправился в Наро-Фоминск, в часть. Еще до того как приехать, он выслал на оставленный сотрудником военкомата номер справку об инвалидности сына, правда, просроченную: на момент задержания Мехродж ждал вызова из бюро медико-социальной экспертизы на очередное обследование.

После беседы отца с командиром батальона и начальником медслужбы молодому человеку все же дали направление на ВВК[3] в госпитале неподалеку от части. Сперва Мехроджа туда не пустили — был выходной. На следующий день, 26 октября, он все же попал в госпиталь, но врачи, по его словам, потребовали принести оригиналы медицинских документов. Тогда Хайдаров вернулся в часть, собрал в казарме вещи и пошел на ближайшую железнодорожную станцию.

«У меня на руках было направление. Я показал его на КПП, меня просто отпустили. Меня никто не останавливал, никакого побега не было. Меня просто пропустили, и все», — объясняет молодой человек.

Добравшись на электричке до Москвы, Хайдаров нашел попутчика с машиной и вернулся домой в Волгоградскую область. Приехал он, говорят родители, заболевшим. «Он в таком состоянии был... Болел, сильно болел, температура была, — утверждает отец молодого человека. — У меня супруга медсестра, поэтому он не ходил в больницу, дома лечился». Потом Хайдаров поправился и продолжил ходить в колледж. Из военкомата с ним не связывались. Родители рассудили, что раз Мехродж не подписывал контракт и не давал присягу, то и военнослужащим он де-юре не является.

В марте Хайдаров снова решил съездить в Люберцы навестить родственников. Когда поезд прибыл на Павелецкий вокзал, он помогал женщине из соседнего вагона вынести в тамбур тяжелую сумку — и в этот момент заметил, что на перроне стоят мужчины в штатском с пистолетами в кобурах. По

словам Мехроджа, они направлялись к дверям вагона, из которого он должен был выйти.

Он покинул поезд через соседний вагон и пошел на вокзал; перед металлоискателями была очередь людей с багажом. Когда пришел черед Хайдарова, к нему подошли полицейские. «Вы дезертир. Вы в курсе, что на вас возбуждено уголовное дело?» — вспоминает он их слова.

На ночь Мехроджа оставили в отделе полиции при вокзале, а наутро отвезли на допрос к следователю. Так он узнал, что против него возбуждено уголовное дело по части 5 статьи 337 УК: самовольное оставление места службы в период мобилизации. Она была введена за месяц до задержания Хайдарова у военкомата в Люберцах и предусматривает от 5 до 10 лет лишения свободы.

В постановлении о возбуждении дела следователь военного следственного отдела по Наро-Фоминскому гарнизону называет Хайдарова рядовым и пишет, что 22 октября — в день задержания — командир войсковой части № 19612 «в соответствии с мобилизационным предписанием» назначил его на должность «номер расчета»[4].

1 ноября, уже после того как Хайдаров уехал домой, командир подписал приказ о его зачислении в списки личного состава «на все виды обеспечения». Но Хайдаров, продолжает следователь, «встал на путь совершения преступления против военной службы» и самовольно оставил часть, «убыв в неизвестном направлении». Согласно постановлению, обнаружилось это лишь 31 октября,

то есть через четыре дня после того, как молодой человек, по его словам, уехал из части.

Дело следователь возбудил лишь 8 февраля, больше чем через три месяца после задержания Хайдарова.

Представляющий интересы молодого человека адвокат Максим Гребенюк полагает, что формальный повод для уголовного преследования мог дать документ, который Мехроджу продиктовали в военкомате: защитник предполагает, что это могло быть заявление о добровольном участии в войне.

«У него тут получили обманным путем, скорее всего, заявление о добровольной мобилизации. Он имел отсрочку как минимум по поводу того, что он является студентом-очником, он не мог быть мобилизован. Кроме того, инвалид III группы, не служил, имеет категорию В[5], не имеет боевого опыта и присягу не принимал. Тут дело не в медкомиссии даже, а в получении обманным путем согласия на добровольную мобилизацию», — говорит адвокат.

Меру пресечения Хайдарову не избирали, сейчас он находится в московской казарме Преображенского полка. Гребенюк отправил жалобы по делу Хайдарова в Генпрокуратуру, СК и мобилизационную комиссию Московской области. Отец молодого человека писал в военкомат, но его жалобу переслали в городскую администрацию Люберец.

«Я по несколько раз везде обращался, они просто перекидывают друг на друга. Он вообще не принимал присягу, не имеет опыта в боевых действиях, он инвалид, и его просто обманули! Сказали, что

подпишешь документ — мы тебя отпустим. А вышла такая история», — жалуется он.

По словам Гребенюка, если решение о мобилизации будет отменено, Хайдаров автоматически перестанет быть субъектом преступления, поэтому следователю придется выписать постановление о прекращении дела.

«Но в настоящее время [дело] расследуется, то есть шанс получить срок действительно есть. Воевать его не отправят, но срок от пяти до десяти лет — вполне реальный. Причем ближе к десяти, потому что отсутствие было полгода», — объясняет адвокат.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Нейросенсорная потеря слуха двусторонняя.

2. Это 4-я гвардейская танковая Кантемировская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия имени Ю. В. Андропова.

3. Военно-врачебная комиссия.

4. Так в армии называется рядовой, обслуживающий в составе расчета орудие.

5. Ограниченно годен.